

ПРЕАМБУЛА

Некоторое время назад мы с Сержем Мишелем, одним из моих постоянных спутников во время походов, совершили небольшое восхождение на гору Мон-Табор, вздымающуюся на высоту 3 171 метр. Эта вершина, название которой с арамейского переводится как «Благочестивый», расположена в Верхних Альпах, на границе Франции с Италией, и, помимо прочего, представляет собой центр притяжения паломников. В свое время здесь возвели часовню Богоматери Семи Печалей, строение хоть и прочное, но на сегодняшний день немало потрепанное временем, в глазах верующих воплощающее собой весьма специфичный уголок, непосредственно связанный со Страстями Христовыми. Здесь можно повстречать буддистов, которые на пронизывающем ветру сидят в позе лотоса, стремясь к единению с космосом. Выдвинувшись в 11 часов из Невашской долины, мы стали взбираться наверх, преодолевая осыпи и фирновые поля¹. Подъем еще больше усугублялся палящим августовским зноем, пошедшим

1. Фирновое поле — расширенная часть горного ледника, лежащая выше фирновой линии. — *Прим. пер.*

на спад только на высоте 2 500 метров. Когда ближе к вечеру мы вышли к месту назначения и оказались на вершине горы, утыканной тибетскими стягами, Серж сказал мне:

— Вот ты и прошел испытание кокосовой пальмой.

— Испытание кокосовой пальмой?

— В некоторых племенах стариков ежегодно подвергают проверке. Им надо взобраться на кокосовую пальму, которую в это время с силой раскачивают из стороны в сторону. Если человек срывается, его изгоняют из деревни и отправляют в одиночку умирать в джунглях. Но если ему удастся удержаться, он получает право остаться в общине.

Узнав об этом, я каждый год устраиваю себе аналогичное испытание, жалея доказать, что не растерял былой формы. И с этой целью постоянно покоряю две горы: внутреннюю, в повседневной жизни, на стыке ликования и смятения, и внешнюю, которая либо удостоверяет предыдущую, либо опровергает ее.

Обратный спуск с Мон-Табора оказался сопряжен с определенным риском: сбившись с пути и окончательно заблудившись, мы наткнулись на стадо баранов и подверглись нападению злобных пиренейских горных псов. Эти белые собаки весом 40, а то и 50 килограммов каждая, призванные охранять коз и овец от медведей и волков, для любителей прогулок по горам весьма и весьма опасны. Им не рекомендуется смотреть в глаза, ибо эти звери чрезвычайно обидчивы — не хуже североафриканских кайдов² — и могут посчитать, что тем самым вы бросаете им вызов. При встрече с ними проявляйте максимальную сдержанность, не размахивайте палками и опустите голову. Лично мы своим спасением обязаны единственно развеселому сурку, который, расположившись на противоположном берегу небольшой речушки, свистнул и тем самым отвлек на себя этих зверюг, ринувшихся к нему в полной решимости порвать на мелкие кусочки. У Сименона, помнится, кокосовая пальма играла совсем другую роль. Обрисовывая в небольшой книжице нравы колонистов,

2. Кайд — вождь племени или правитель округа в Северной Африке.
— Прим. пер.

3. Сименон Ж. Скверная звезда. Paris: Folio-Gallimard, 1938. P. 87.

отправившихся в 1930-х годах за моря и океаны, дабы вырваться из обыденности метрополии, он рассказывает о весьма специфичном использовании этого тропического дерева: «На некоторых островах Тихого океана женщина, желая выказать свое согласие мужчине, особенно чужаку, взбирается на кокосовую пальму, демонстрируя воздыхателю все, что он сможет заполучить — и солнце, и луну, — если поднапряжется и поднимется вслед за ней»³. Этот обычай иначе как взыскательным не назовешь, его неплохо было бы ввести в обиход и в наших широтах, это наверняка сподвигло бы муниципальных чиновников сажать больше деревьев в задыхающихся городах. А заодно положило бы конец домогательствам и чрезмерному использованию бетона. С того самого дня каждый раз, когда я начинаю новое восхождение, у меня перед глазами возникает мысленный образ грациозно склоненной кокосовой пальмы, приглашая это экзотическое дерево обосноваться в наших альпийских и пиренейских горных массивах.

Но зачем вообще куда-то взбираться, когда жизнь уже перевалила пик и покатила вниз по противоположному склону горы? На кой вообще подвергать себя такой пытке? Чтобы испытать радость, граничащую с блаженством? Вере не дано всколыхнуть горы, это они могут ее всколыхнуть, бросить нам вызов и позвать их покорять. Одних это увенчанное снежными шапками величие подавляет, других приводит в восторг. Для последних восхождение символизирует возрождение, переход к состоянию возбуждения и волнения. Возбравшись на вершину, человек в упоении парит, будто увидев перед собой рай. Мы вдыхаем его густоту. Кто ведет с нами разговор, пришепывая к ощущению прекрасного чувство ужаса? Пронзительный холод? Порывистый ветер, чуть ли не сбивающий с ног? Или же высшие силы?

— 1 —

КОГДА ТАЕТ
СНЕГ, КУДА
ДЕВАЕТСЯ ЕГО
БЕЛИЗНА?

Самый маленький снегопад в истории прошел час назад у меня во дворе. Примерно из двух снежинок. Я ждал, когда упадут другие, но не дождался. Снегопад был всего из двух снежинок.

Ричард Бротиган «Экспресс Токио-Монтана»⁴

Слышишь, как снег шуршит о стекла, Китти? Какой он пушистый и мягкий! Как он ласкается к окнам! Снег, верно, любит поля и деревья, раз он так нежен с ними!

Льюис Кэррол «Алиса в Зазеркалье»⁵

Я появился на свет в сплошной снежной пелене, воскрешающей в голове ассоциации с забвением и благословенным сном. С самого раннего детства, в нежном возрасте двух лет оказавшись в пансионе «Киндерхайм» в Форарльберге после того, как у меня выявили туберкулез, я познавал мир через призму Альп в Кляйнвальдтертале — высокогорной австрийской долине, вклинившейся в немецкую Баварию. Вершины здесь не превышают 2 500 метров, и чтобы пофлиртовать с четырехтысячниками, нужно ехать в Тироль. Так или иначе, но от ледяной стужи в зимы моего детства столбик термометра неделями держался на отметке ниже 20, а то и 25 градусов Цельсия. В январе, в самый разгар холодов, олени, косули и серны спускались с гор поближе к человеческому жилью, где для них имелось сено. Снег неизменно напоминает мне о коротких штанах, больше извест-

⁴. Бротиган Р. Экспресс Токио-Монтана [1980] / пер. Ф. Гуревич. М.: АСТ, 2021. (От битника до Паланика). С. 26.

⁵. Кэррол Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье [1865, 1871] / пер. с англ. Н. М. Демуровой ; изд. подгот. Н. М. Демуровой. М.: Наука, 1991. С. 113.

ных под названием «ледерхозе» (кожаные брюки, национальная одежда жителей юга Германии), бретельках, баварском акценте и небольшой, странного вида шляпе, чем-то похожей на иудейскую ермолку. Сегодня, когда снег выпадает реже, чем раньше, вид этой священной водяной пыли, устаивающей нас своим присутствием, каждый раз приводит меня в волнение. Я пытаюсь разглядеть в нем картины моего прошлого. Детством в центре Европы я обязан причинам далеко не самого благовидного свойства. Мой отец, отпетый антисемит и ярый почитатель Третьего рейха, не отказавшийся от своих убеждений вплоть до последнего вздоха в августе 2012 года, стремился воспитать меня арийцем. Работая с 1941 по 1945 год в концерне «Сименс» вольнонаемным инженером, сначала в Берлине, а затем в Вене, в апреле того же года он бежал от Красной армии, когда она подошла к воротам города, и вместе с возлюбленной обосновался в Форарльберге, во французской оккупационной зоне. Через семь лет там же его стараниями предстояло оказаться и мне. Когда по возвращении в Париж в ноябре 1945 года ему удалось избежать преследований со стороны правосудия, воспользовавшись несовершенством бюрократической системы, он решил отомстить за поражение Германии, в качестве орудия избрав своего отпрыска. Мне предстояло стать воплощением реванша, но в какой-то момент жизнь ниспослала мне болезнь, ставшую поистине судьбоносной. К несчастью для отца, его чаяний я не оправдал. К его невероятному отчаянию, во Франции, несмотря на тевтонскую фамилию, меня быстро определили в потомки колен Израилевых и причислили к сонму еврейских интеллектуалов. Превратившись таким образом в строптивого наследника и комедийного гою, я, помимо своей собственной, и уж тем более помимо его воли, стал членом огромного пестрого племени, которое ему так хотелось стереть с лица земли. И сколько ни настаивал на своей принадлежности к католической культуре, меня с завидным упорством относили к этой заимствованной идентичности. «Если не хотите об этом говорить, ничего страшного!» Порой я задаю себе один и тот же вопрос: а не посмеивается ли надо мной с того света и отец, видя, какой оборот приняла ситуация?

Миттельберг в долине Кляйнвальдсерталь, ок. 1900 года

Снег нельзя рассматривать в отрыве от ели, этой ревнивой служительницы, которая стоит нестигаемо и сурово, осмеливаясь чуть шевельнуться, только отряхивая ветви, чтобы освободить их от белой тяжести снега. Неброская пушистая красавица: зеленое веретено, выставившее во все стороны хвойные колючки, дабы отбить у нас всякую охоту к ней приближаться. Она всегда жметя к себе подобным, а когда гнетя под порывами ветра и натиском бури, прижимает лапы к стволу, будто скупец, трясущийся над своими сокровищами. Примеряя одежду скаредной деревенщины, ель стонет, будто в нее вселилась целая толпа призраков, которые вот-вот выскочат из подлеска, нагнав на всех страху. В действительности эта хвойная радость — самый верный слуга: вверенные ее заботам снежные залежи она несет с тем же достоинством, с каким развозит посылки высокогорный почтарь. Это украшенный перьями карандаш, каждый год готовый принести себя в жертву и стать рождественской елью. Ее ветви укра-

Рекламный плакат для железной дороги Кур — Ароза. Эмиль Кардино, 1915. Базельская коллекция плакатов, Швейцария

шают свечами, гирляндами, шарами, золочеными орехами и мигающими фонариками. А к подножию бросают целые горы подарков, сколь разноцветных, столь и бесполезных. Жертва — ее жизненный удел: ее срубают сотнями тысяч, чтобы на несколько дней выставить в квартире или доме. Сначала она благоухает ароматом хвои, но затем, растеряв все силы, заканчивает жизнь на тротуаре, откуда ее отправляют на распил. Подлинное смертоубийство к вящей радости как детей, так и стариков. Аллегория на человеческую жизнь, только в ускоренном темпе. Надоела, насмотрелись, давай отсюда подобру-поздорову. И вот этот просмоленный страж, суровый хранитель гор, привычно принимает удрученный вид, будто задумавшись о том, что здесь, собственно, делает. А некоторые люди, будто им мало того, что человечество и так уже эксплуатирует это дерево сверх всякой меры, усматривают в нем слишком явно выра-

женный фаллический символ, предлагая превратить его в аксессуар не Деда Мороза, а новоявленной, пришедшей ему на смену рождественской Бабы Зимы, который должен не стоять, а лежать на боку. Проблема лишь в том, что слова во французском языке зачастую хоть и дают повод для неуместных шуток, но при этом подчеркивают аккуратно то, что кому-то так хочется затушевать.

Стоит подняться выше тысячи метров, как тут же становится легче дышать, меня охватывает какая-то особенная эйфория, пьянит эфир, проветривая мозги и высвобождая эндорфины. Незримая сила берет меня в свои объятия и приподнимает над самим собой. Ревущие потоки выплескиваются через край, вознося меня на вершины восторга. Я у себя дома. Мир предо мной делится на равнины внизу и искрящиеся вершины, благодаря которым познается процесс очищения. Перво-наперво, снег — это ластик, призванный стереть уродство этого мира, пусть даже уродство

и сильнее ластика. Снегопад приносит какое-то волшебное состояние: припорошивает пейзаж, приглушает ограды и столбы, смягчает контуры, возвышает крыши и горные карнизы. Демонстрируя самые бесцеремонные манеры, снег забирается повсюду, куда его не зовут, да так там потом и остается. Структура снежинки, круглая, тонкая или многогранная, воплощает в себе все богатство бесконечно малого. Поднимаясь над горизонтом после снежной ночи, солнце в первое утро обнажает подлинное чудо, искрящееся мириадами лучей, будто окрестный ландшафт перед этим кто-то отполировал. Вихри белой пыли и фантазмагория света слепят глаза, рассыпаясь бесчисленными солнечными зайчиками. Мир словно обтянули целлофаном, и теперь он скрипит под ногами, скованный железной рукой холода. Припорошенные деревья, кутающиеся в густой мех, безбрежные, угрюмые леса взволнованно перешептываются и как-то кукожатся. Горные вершины покрылись белым одеянием, словно готовясь к парадному смотру красот. Мороз выступает в ипостаси одновременно и художника, и ткача: припудривает изморозью деревья, а на растительности и камнях плетет инеем самые замысловатые узоры. Поля колышутся, их белые просторы напоминают одно огромное беже. Вся эта белая скатерть призывает без промедления встать на лыжи и накрутить несколько кругов, оставив на ней неизгладимый след. Ноги скользят, кажется, будто ты можешь танцевать на поверхности всего сущего, превращая склон в длинную, ровную ленту. Упасть совсем не страшно, плотный снежный покров смягчает любой удар. Вот на нем виднеются иероглифы, оставленные то ли серной, то ли лисицей. Ты кажешься себе веселым гномом, способным проходить сквозь стены, и законов гравитации для тебя больше нет. Распрощаться с собственным весом и одолеть саму материю под аккомпанемент единственно носков лыж, прорезающих пушистую субстанцию.

Горы наверху как будто окутались сахарной ватой и превратились в леденцы, среди которых обрел приют пик Эгюий-дю-Гутер, каким его в феврале 2021 года показал очередной телескоп — буквально съжившимся под многочисленными слоями крошечных кристалликов. Среди конусов, пирамид и округлых холмов

кружева вершин напоминают сотворенные холодом пирожные. Каждому, кто его созерцает, этот белый край слепит глаза, свет рисует вершины в мельчайших деталях, образуя из них скульптурные композиции. Выше 3 000 метров снег настолько пропитывается ультрафиолетом и отражениями, что будто даже приобретает невиданный накал. Небольшими ледяными пальцами топорщатся остекленевшие электрические столбы. Застать снег в тот момент, когда он только-только о себе заявил, обещая вскоре исчезнуть, — это радость, испытать которую может разве что ювелир. Выложенные морозом узоры являют миру геометрические загадки. Снег — это саван, но саван блистательный, прославляющий то, что под ним скрывается. Однако стоит этому мимолетному чуду предстать нашим взорам, как тут же возвращается дневное тепло, великолепные пригорки тают и опадают не хуже суфле, хрупкий фарфор пейзажа идет трещинами, сталактиты роняют капли, превращаясь в длинные, простуженные отростки, а в водосточных желобках под крышами весело журчит вода. Солнце вдыхает в этот ледяной панцирь новую жизнь, и от безупречной чистоты остаются одни только воспоминания.

Помню волнение, которое я испытал, впервые застигнутый снежной бурей. Это случилось на границе между Германией и Австрией, мне тогда было лет семь-восемь, мы выехали из Лиона, где обосновались на жительство мои родители, и отправились в Кляйнвальдзерталь отмечать Рождество. Проезжая мимо многих машин, очутившихся в кювете, наш небольшой «Рено 4 CV» натужно взбирался

вверх по склону. Асфальт от поля было не отличить, очертания предметов тонули в складках однообразного белого покрывала. Между баварским городом Оберстдорфом и австрийской деревней Рицлерн мы уперлись в длинный, непреодолимый подъем. На дороге нас занесло, и машина угодила в сугроб, высокий, как стена, образованный другими автомобилями, перегородившими путь. Мать в ужасе взмолилась и попросила отца повернуть обратно к Боденскому озеру. Здесь надо заметить, что мама меня нежно любила, я до сих пор не забыл ощущения ее незыблемой силы, даже несмотря на то, что она слишком уж усердно окружала меня своей заботой. Для единственного ребенка самое трудное — освободиться от материнской опеки, в то время как для самой матери — отпустить свое чадо в свободное плавание: эта двойная травма болезненнее для родительницы, которой больше никогда не обрести ощущения полного единения со своим херувимом, которому, в свою очередь, предстоит резво и весело шагать по жизни. Двигаться машина отказывалась напрочь, что вперед, что назад. Нам не оставалось ничего другого, кроме как вместе с остальными жертвами стихийного бедствия дожидаться в этой стылой пустыне утра с чудесным избавлением в виде снегоочистителя и трактора, благодаря которым можно было бы дотащиться до таможни. Я тем временем уснул у мамы на коленях, в глазах у меня стояла сплошная снежная пелена с ее психоделической добродетелью. И я поклялся жить в величественном плену этой стихии.

Нет, снег не падает ни с какого неба, порой создается впечатление, что он брызжет из самой земли, бросая вызов всем законам гравитации, путая направления, меняя местами верх и низ. Словно пережат, под влиянием ветра устремляющий свои воды к истокам и обращающий речку вспять обратно к ее истокам. Кружа вихрями, эта пушистая субстанция поднимается к небу, неизменно стремясь его собой затмить. У тебя захватывает дух, ты боишься, что стихия захватит тебя и поднимет в воздух, будто соломинку. Пурга может в мгновение ока стереть любой пейзаж, сделав его совершенно неузнаваемым, и тогда любому ничего не стоит заблудиться буквально на пороге собственного дома.

